
ЖИВЫМ –
ЖИВОЕ
ИРИНА ЛЕМ

Ирина Лем
Живым - живое

https://litres.ru/74941968
SelfPub; 2026

Аннотация

Восьмой рассказ про Веронику. В тяжкие девяностые хлебнула она горя на родине и возмечтала искать спасения за границей. Много препятствий преодолела, стены лбом пробивала и - добилась. Уехала в Голландию, но медом там было не намазано и сказка ее не ждала. Но обратной дороги нет. Надо привыкать и приспосабливаться. Что Вероника и делала.

Ирина Лем
Живым - живое

Живым – живое, а мертвым… уже ничего не надо.

Полгода назад Герард походил на ходячий скелет, а теперь на мертвеца, которого недавно похоронили, потом оказалось – по ошибке, и он воскрес, но ненадолго. Тело иссохло и едва передвигалось на ногах-палках, вокруг которых болтались штанины спортивных брюк. В глазах отрешенность от окружающей действительности, потому что в ней мало чего важного осталось, и в спину уже дышит смерть. Она пришла и встала неподалеку. Она не спешит. Она знает: жизнь временна, а смерть вечна, и торопиться некуда. В вечности времени не существует. День, год – без разницы. Молодой, старый – все одно.

Человек привыкает к себе в зеркале и осознает, что плох, только когда видит реакцию других людей. Вероника глянула на Герарда и ужаснулась. По-тихому. Виду не подала. Правду не сказала. Зачем? Ее правда ему не нужна. А врать, мол «неплохо выглядишь», тоже зачем? Да он и спрашивать не стал. Того, кто стоит на пороге смерти, внешность не вол-

нует. Какая разница - переступишь порог красавчиком или уродцем? «Туда» принимают не глядя и всех подряд.

При появлении Вероники глаза Герарда ожили и сразу погасли - радость в полумертвом теле долго не живет. Прошаркал назад в комнату, лег в раскладное кресло «лейзи бой» и будто провалился, кресло его обняло, как маленького. Он и стал маленьким, треть от прежнего веса потерял. Начал рассказывать тихим голосом, с паузами и передышками – что произошло за последние полгода.

Произошло многое. Герард продал дом - не отдельно стоящий, а в виде квартиры на первом этаже трехэтажного строения (в Голландии собственное жилье называют «дом» не зависимо от размеров и расположения). Продавал с душевной болью. Двадцать четыре года здесь прожил, отделал на свой вкус, обставил с любовью.

Мебель не из прессованной стружки, которая без цвета и характера, а из настоящего ореха – с естественным рисунком по полотну и вырезанными вручную кудряшками на ножках. Люстры не современные, холодные, «индустриальные» - с голыми лампами, а в старинном стиле, с хрустальными под-

весками и стразами Сваровски: включаешь – они переливаются, перемигиваются, как живые звездочки. В саду постоянные розы насадил, каждую весну подсаживал еще однолетние фиалки. Цвело и пахло до ноября включительно. На почетном месте аппарат для барбекью – целый шкаф: и жарить, и варить, и рыбу, и мясо.

Жил с удовольствием, даже мысли не возникало уехать. Но… Заболел. Немощен стал. Стоять не мог, сидел с трудом, больше лежал. Покоя, тишины хотел. А соседи всё молодые, по лестнице бегают, стучат каблуками, как лошади копытами. Скрипят полами над головой. Дети целыми днями плачут или топают. Вечером в кафешке музыка и пьяные голоса орут, а то еще на улицу выйдут поругаться или подраться.

Герарду каждый звук - по голове, как молотком в колокол. Потому, собственно, и затеял переезд. Нашел новое жилье в комплексе «55 плюс», отделал, переехал. Вернее, все делал приятель юности Кейс. Не бесплатно - по-дружески, а за самую высокую цену - по-хитровански. Хитрованы – порода людей, которые из каждой ситуации выжимают наибольшую выгоду.

В другие времена Герард отделал бы жилье сам, полностью, от покраски стен до установки унитаза. Теперь не то что унитаз ворочать, кисть в руке тяжело держать. Легко получается только вырывать съеденное и лежать в кресле, тупо глядя в белую стену.

Сам побелел, ни кровинки в лице. Думал, переезда не переживет. И без того был слаб, а от ежедневной рвоты последние силы утратил. Доктор посоветовал капли для укрепления желудка. Капли помогли. Но силы не вернулись несмотря на количество съеденного и удержанного внутри. Да и не хотелось много есть. Хотелось лежать и ни о чем не думать. И чтобы никто не мешал ни о чем не думать…

В новом доме никто не мешает. Комплекс для пожилых, вокруг тишина и покой… как на кладбище.

Туда и ему дорога. Отсюда Герард уедет только в гробу. Слабость и беспомощность грызли сильнее всего. Устал болеть и еле двигаться. Получилось бы само собой умереть – был бы не против, но кончать с собой не собирался. Все же потихоньку надеялся поправиться, боли-то не ощущал. Ощущал, как с каждым днем уходили силы, капали, как го-

рючее из резервуара автомобиля.

Прохудился его жизненный резервуар... А раньше был полон энергии движения. Его любимый «Мерседес» на зеленом светофоре срывался с места самый первый. Вероника вжималась в кресло, испытывая перегрузки, будто космонавт на взлете.

Герард рассказывал, и было заметно - именно слушателя ему не хватало. Пожилые умирают чаще всего не от болезни, а от одиночества. Старым, как и малым, необходима забота и человек рядом, чтобы выслушал, поддержал, утешил. Больным общение необходимо вдвойне - высказался, и вроде полегчало…

Герард всегда любил поговорить.

Вероника всегда умела слушать. Она профессиональная слушательница. Какой-то значимой профессии не получила, а слушать - имела талант от природы. И много ли надо? Сидеть, вникать, сочувствовать, поддерживать. Вроде просто, а не каждому дано.

Доброта и терпение требуются. У современных людей их недостает. А у Вероники хватает. Она по характеру терпеливая копуша. С юных лет самая кропотливая работа была ей не в тягость - собирать смородину, причем не гроздьями, а по ягодке, или облепиху. Обкалывала руки и не замечала, слушала собственные мысли. Талант развивала.

У Герарда талант к разговорам на любую тему и на неограниченное количество времени. Эти два таланта их объединили - разных по характеру, даже противоположных. Она тихуша и скромница, он непоседа, говорун и мачо. В юных летах она была застенчивой серой мышкой – забиться в норку, читать и мечтать. Он любил производить эффекты: лихо проехаться в открытом «Корвете», покрасоваться перед девушками в ковбойской шляпе и крокодиловых сапогах.

В молодости они бы ни за что не соединились. Во-первых, жили в разных странах, как в разных мирах. Но даже если бы в одной стране - не совпали бы, бились, как две шестеренки с разновеликими зубцами.

Да… Жизнь – непредсказуемая штука. Кто бы мог подумать, что развалится великая страна. Кто бы мог подумать, что мышка-норушка превратится в лягушку-путешественницу и приземлится на поле голландского ковбоя…

Жизнь обтесала обоих, сточила острые углы, сгладила запросы. Герард и Вероника встретились на просторах Земли, их таланты подошли, как вилка к розетке.

Она давно выслушала его жизнь, записала в память.

Родился в феврале 45-го. Послевоенная разруха. Мать с двумя сыновьями-погодками: Джон старший, Герард младший. Она любила их и не дала умереть от голода, даже почувствовать его не дала. Чего ей это стоило, Герард только догадывался. Он любил мать, несмотря что была строга и порой привязывала его к стулу, чтобы как-то укротить. Однажды он видел, как мать на кухне обмывалась из таза до пояса. С тех пор полюбил большие груди у женщин.

Часто вспоминал тетю Беп, называл «вторая мать». Своих детей не имела, любила племянника, как родного сына. Про-

сила отдать ей Герарда, но мать не отдала. Он помогал тете по мелочи, она же платила большим добром. Он был живчик и непоседа, не ходил, а носился – сначала на ногах, потом на велосипеде, потом на мотоцикле. На котором и разбился. Пострадал не очень, зато сильно напугал обеих матерей. Тетя Беп сказала «больше никаких мотоциклов» и помогла купить первую машину – подержанный, песочного цвета «Корвет», с чего началась его любовь к автомобилям и продолжилась любовь к скорости.

Отец Герарда был на десять лет моложе матери и «слинял» сразу после его рождения. Иногда приходил проведать сыновей, но отцовского чувства так и не познал. Помощи не оказывал – ни материальной, ни какой-то другой. Скупой был даже на ласковое слово, зато подковырнуть, обдурить мастер. Лучше бы вообще не появлялся… Нанес рану младшему сыну и с каждым приходом ковырялся в ней.

Рана оказалась настолько глубокой, что Герард с самого начала зарекся иметь детей. Во-первых, не хотел оказаться таким же сволочным отцом, во-вторых, не хотел вешать ярмо на шею. Никогда не знаешь – кого растишь. Отдаешь ребенку все силы и средства, а пойдет ли это на пользу, неизвестно. Вначале дети зависят от родителей, потом наоборот.

Герард ненавидел быть зависимым. Любил жить для себя и делать по-своему.

Он органически не переносил подчинения кому бы то ни было. Из-за того ушел с военного корабля, куда в двадцать лет поступил по зову романтического сердца. Те четыре года на флоте вспоминал чаще всего и с удовольствием.

Молодость всегда вспоминается с удовольствием. Стояли у антильского острова Аруба. Жара и расслабуха. Всего-то обязанностей – содержать судно в чистоте да иногда сходить в патруль вместе с американцами. Работка «не бей лежачего»: ловить на берегу пьяных матросов и отправлять восвояси. При сопротивлении лупили их резиновыми дубинками по спине. Потом возвращались к себе, отдыхали, пили пиво – на судне разрешался легкий алкоголь. Рассказывали анекдоты, гоготали до одури не пойми над чем…

Подшучивали друг над другом. После душа спрячут у кого-нибудь трусы, тот бегает, ищет, обмотавшись полотенцем. Шутники стоят, ржут. «Что ты бегаешь с голым задом, гомик что ли?». Раньше «гомик» считалось обидным словом. Над Герардом шутить не решались – он был по росту второй, по

силе не уступал первому.

Да, весело было.

В молодости всегда есть место смеху.

И сексу. Жара, море, прозрачная вода, рыбки плавают на воле. И людям хочется на волю, на берег. Там кафешки, пиво, девушки… После ночи любви моряки первым делом бежали к судовому врачу. Тот вводил трубочку с дезинфицирующим раствором и вымывал всю заразу. В те времена о кондомах не слыхали. Герард их и потом не любил. Много женщин имел и ни разу не подцепил ничего венерического. Повезло.

Год службы в тропиках шел за два, и светил в дальнейшем приличный военный пенсион. Однако надоело Герарду быть зависимым - от начальников и глупых приказов. Злился. Огрызался. Один раз схватил офицера за грудки и вытащил из-за стола. Написал рапорт об увольнении. Его год не отпускали: хороший писарь, с каллиграфическим почерком, к тому же не дурак. Позже за те годы на флоте получил еже-

месячную сотню к пенсии, которая очень даже пригодилась.

Вышел на «гражданку», думал – чем заняться. Административная работа хорошо получалась, к тому же выгодна финансово. В те времена госслужащие работали без напряжения, ни за что не отвечали и не подлежали увольнению даже за просчеты. Сидели всю жизнь на одном месте вдобавок имели право на досрочную пенсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.